

Анна Леопольдовна и Иоанн VI Антонович

История эта начинается задолго до рождения Анны Леопольдовны в 1718 году. В 1711–1712 годах войска Петра Великого вступили в Мекленбург-Шверинское герцогство, расположенное на севере Германии. К этому времени между царем Петром и мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом наладились весьма дружественные отношения. Герцог, вступивший на престол в 1713 году, видел большую пользу в сближении с великим царем – полтавским триумфатором. Царь обещал помочь вернуть некогда отобранный шведами Висмар, а кроме того, присутствие русских войск очень устраивало Карла Леопольда, так как его отношения с местным мекленбургским дворянством были напряженными и он надеялся с помощью русской дубинки укоротить дворянских вольнодумцев, недовольных тираническими замашками своего сюзерена.

Петр также искал свою «пользу» в Мекленбурге. Царь не собирался легко и быстро уходить из понравившейся ему Северной Германии – важной стратегической зоны, откуда можно было угрожать не только непосредственно Швеции, но и Дании, которая требовала пошлины с каждого русского торгового корабля, проходившего через созданный Богом, а не датчанами Зундский пролив при выходе из Балтийского в Северное море. И вот 22 января 1716 года в Петербурге был подписан русско-мекленбургский договор. Согласно этому Договору, Карл Леопольд брал себе в супруги племянницу Петра I Екатерину Ивановну, а Петр со своей стороны обязывался обеспечивать герцогу и его наследникам безопасность от всех внутренних беспокойств военною рукою. Для этого Россия намеревалась разместить в Мекленбурге несколько полков, которые поступали в полное распоряжение Карла Леопольда и должны были «оборонять его, герцога, от всех несправедливых жалоб враждующего на него мекленбургского дворянства и их приводить в послушание». Дело требовало быстроты, и свадьбу решили сыграть, не оттягивая, в Гданьске, куда ехал по делам Петр, сразу же после Пасхи 1716 года.

Молодая жена герцога Мекленбургского Екатерина Ивановна, по критериям тех времен, была не так уж молода: она родилась 29 октября 1692 года и, следовательно, вышла замуж в двадцать четыре года. Екатерина была совершенной противоположностью высокой и мрачной сестре Анне, и насколько не любила мать-царица Прасковья Федоровна среднюю дочь, настолько же она обожала старшую «Катюшку-свет». Но в 1716 году перед волей Петра I пришлось уступить – Прасковья дала согласие на брак с мекленбургским герцогом. Не смела спорить с грозным дядей и сама невеста. Отправляя племянницу под венец, Петр дал краткую, как военный приказ, инструкцию, как надлежит жить за рубежом: «Веру и закон сохрани до конца неотменно. Народ свой не забуди и в любви и почтении имей паче прочих. Мужа люби, почитай яко главу семьи и слушай во всем, кроме вышеписаного. Петр».

О любви, конечно, и речи идти не могло: Карл Леопольд этого доброго чувства у своих подданных не вызывал. Это был, по отзывам современников, человек грубый, неотесанный, деспотичный и капризный, да ко всему прочему страшный скряга, никогда не плативший долги. К своей молодой жене Карл Леопольд относился холодно, отстраненно, подчас оскорбительно, и только присутствие Петра, провожавшего новобрачных до столицы герцогства города Росток, делало его более вежливым с Екатериной. После же отъезда царя из Мекленбурга герцог своей неприязни уже не сдерживал, и молодой жене пришлось несладко. Это мы видим по письмам ее матери Прасковьи Федоровны к царю Петру и царице Екатерине.

Если поначалу старуха благодарила царя «за особую к Катюшке милость», то потом ее письма наполняются жалобами и мольбами. «Прошу у Вас, государыня, милости, – пишет она царице, – побей Царского величества о дочери моей Катюшке, чтоб в печалях ее не оставил... Приказывала она ко мне на словах передать, что и животу своему не рада...» По-видимому, много плохого пришлось вытерпеть вечно жизнерадостной Екатерине в доме мужа, если мать умоляла ее в письмах: «Печалью себя не убей, не погуби и души».

Положение герцогини было чрезвычайно сложным. Карл Леопольд считал себя обманутым – город Висмар ему так не достался, а русскую армию А.И. Репнина союзники туда даже не впустили, что стало причиной международных трений. Еще больший скандал начался после того, как Петр, будучи в Мекленбурге, не церемонясь особо, арестовал местных дворянских представителей, недовольных его зятем. Это, как и присутствие русских войск в Мекленбурге, вызвало крайнее раздражение многих германских властителей и особенно ближайшего соседа, курфюрста Ганноверского, бывшего тогда одновременно королем Великобритании. Мекленбург к тому же был составной частью Великой Римской империи германской нации, и мекленбургские дворяне, как и их встревоженные соседи, стали жаловаться на герцога своему общему верховному сюзерену – цезарю, то есть австрийскому императору. Петр, увидя, сколько серьезных проблем вызывает его попытка внедриться в Мекленбург, решил отступить и, в сущности, бросил герцога, своего зятя, на произвол судьбы. По крайней мере, он решил отложить помощь Карлу Леопольду до завершения Северной войны.

После заключения Ништадтского мира 1721 года царь, сам не склонный к мягкости, писал Екатерине: «И ныне свободно можем в вашем деле вам вспомогать, лишь бы супруг ваш помягче поступал». В другом письме царь советовал, чтобы герцог «не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю». Но Карл Леопольд к компромиссам был абсолютно не способен и продолжал губительную для него борьбу с мекленбургскими дворянами и всем окружающим его германским миром.

Бесправность, униженность мекленбургской герцогини были видны во всем – в ее незавидном положении жены человека, которому было бы уместнее жить не в просвещенном XVIII веке, а в пору средневековья, и в пренебрежительном отношении к ней

знати немецких медвежьих углов, называвших московскую царевну «Die wilde Herzoginn» – «дикая герцогиня», и в повелительных, хозяйских письмах к ней Петра, и, наконец, в ее подобострастных посланиях в Петербург. Двадцать восьмого июля 1718 года она пишет царице Екатерине: «Милостью Божью я оберемела, уже есть половина, а прежде половины писать я не посмела до Вашего Величества, ибо я об этом подленно не знала». Седьмого декабря того же года в Ростке герцогиня родила принцессу Елизавету Екатерину Христину, которую в России, после крещения в православие, назвали почему-то Анной Леопольдовной, а не Анной Карловной.

Девочка росла болезненной и слабой, но была очень любима своей далекой бабушкой-царицей Прасковьей. Здоровье внучки, ее образование, времяпрепровождение были предметами постоянных забот старой царицы. А когда Анне исполнилось три года, Прасковья стала писать письма уже самой внучке. Они до сих пор сохраняют человеческую теплоту и трогательность, которые часто возникают в отношениях старого и малого: «Пиши ко мне о своем здоровье и про батюшкино и про матушкино здоровье своей ручкою, да поцелуй за меня батюшку и матушку – батюшку в правый глазок, а матушку в левой. Да посылаю тебе, свет мой, гостинцы: кафтан теплой для того, чтоб тебе тепленько ко мне ехать. Утешай, свет мой, батюшку и матушку, чтобы они не надсаживались в своих печалях, и зови их ко мне в гости, и сама с ними приезжай, и я чаю, что с тобой увижусь, что ты у меня в уме непрестанно. Да посылаю я тебе свои глаза старые, которые уже чуть видят свет, бабушка твоя старенькая хочет тебя, внучку маленькую, видеть».

Тема приезда герцогской четы в Россию становится главной в письмах старой царицы к Петру и Екатерине. Прасковья страстно хочет завлечь дочь с внучкой в Петербург и там оставить, благо дела Карла Леопольда идут все хуже и хуже: объединенные войска германских государств изгнали его из герцогства, и Карл Леопольд вместе с женой обивал имперские пороги в Вене. Помочь ему было трудно. Петр с раздражением писал племяннице весной 1721 года, что ничем ей помочь не может, – герцог стал неуправляем. К 1722 году письма царицы Прасковьи становятся отчаянными. Она, чувствуя приближение смерти, просит, умоляет, требует – во чтобы то ни стало она хочет, чтобы дочь и внучка были возле нее. «Внучка, свет мой! Желая тебя, друк сердешной, всева блага от всево моего сердца, да хочетца, хочетца, хочетца тебя, друк мой, внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружитца с табою: старая с малым очень живут дружна. Да позави ка мне батюшку и матушку в гости и пацалуй их за меня, и штобы ане привезли и тебя, а мне с тобой о некаких нуждах самых тайных подумать и перегаварить [нужно]». Самой же Екатерине царица угрожала родительским проклятием, если та не приедет к больной матери. Писала царица и Петру, прося его помочь непутевому зятю, а также вернуть ей Катюшку.

К лету 1722 года старая царица наконец добилась своего, и Петр потребовал, чтобы мекленбургская герцогская чета прибыла в Россию, в Ригу. Император писал, что если Карл Леопольд приехать не сможет, то герцогиня должна приехать одна, «так как невестка наша, а ваша мать, в болезни обретається и вас видеть желает».

Воля государя, как известно, закон, и Екатерина с дочерью, оставив супруга одного воевать с собственными вассалами едет в Россию, в Москву, в Измайлово, где ее с нетерпением ждет царица Прасковья, посылая навстречу нарочных с записочками: «Долго вы не будете? Пришлите ведомость, где вы теперь? Пуще тошно: ждем да не дождемся!» И когда 14 октября 1722 года голштинский герцог Карл Фридрих посетил Измайлово, то он увидел там довольную царицу Прасковью в кресле-каталке: «Она держала на коленях маленькую дочь герцогини Мекленбургской – очень веселенького ребенка лет четырех». Да, уже в августе 1722 года Екатерина с дочерью Анной приехали в Измайлово. Снова Екатерина оказалась в привычном старом доме среди родных и слуг. А за окнами дворца, как и в детстве царевны, шумел полный осенних плодов Измайловский сад.

И мать и придворные, вероятно, только радовались, глядя на Катюшку: жизненные трудности, печали, болезни не сокрушили ее всепобеждающего оптимизма, не изменили веселого характера общей любимицы. Она была, как и прежде, жизнерадостна и беззаботна. Почти сразу же по возвращении она начинает танцевать, веселиться до упаду. В октябре 1722 года для своих гостей Екатерина устроила спектакль. Она набрала труппу из своих фрейлин и слуг, заказала у придворных портных костюмы, попросила в долг у голштинского герцога парики и самозабвенно режиссировала спектакль, состоявшийся, как писал Берхгольц, не из чего иного, как из пустяков.

Привезенная матерью девочка-принцесса сразу же попала в обстановку русского XVII века, постепенно терявшего под натиском новой культуры XVIII века свои черты. Берхгольц занес в свой дневник за 26 октября 1722 года запись о посещении в Измайлове мекленбургской герцогини. Екатерина привела голштинцев в свою спальню, где пол был устлан красным сукном, а кровати матери и дочери стояли рядом. Гости были шокированы присутствием там какого-то «полуслепого, грязного и страшно вонявшего чесноком и потом» бандуриста, который пел для герцогини ее любимые и, как понял Берхгольц, не совсем приличные песни. «Но я еще более удивился, увидев, что у них по комнатам разгуливает босиком какая-то старая, слепая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кроме рубашки... Принцесса часто заставляла плясать перед собой эту тварь, и... ей достаточно сказать одно слово, чтобы видеть, как она тотчас поднимает спереди и сзади свои старые вонючие лохмотья и показывает все, что у нее есть. Я никак не воображал, что герцогиня, которая так долго была в Германии и там жила сообразно своему званию, здесь может терпеть возле себя такую бабу».

Наивный, непонятливый камер-юнкер! Екатерина Ивановна выросла в комнате своей матери, и нравы традиционного окружения русской царицы, люди, его составляющие – шуты, дураки, убогие, – никуда не исчезли. Измайловский дворец хранил старину, несмотря на ветры петровских перемен. И девочка-принцесса оказалась в этой среде, в окружении привычных для бабушки и матери ценностей.

О годах, проведенных Екатериной и ее дочерью после возвращения из Мекленбурга в Россию и до воцарения Анны Иоанновны в 1730 году, мы знаем очень мало. Не можем мы сказать определенно и о характере девочки. Думаю, что она росла обыкновенным ребенком. Берхгольц в 1722 году писал что раз, прощаясь с царицей Прасковьей, ему посчастливилось видеть голенькие ножки и колени принцессы, которая, «будучи в коротеньком ночном капоте, играла и каталась с другою маленькой девочкой на разостланном на полу тюфяке» в спальне бабушки. Вообще, по-видимому, красавец камер-юнкер очень понравился маленькой прелестнице. Девятого декабря 1722 года Берхгольц записал в дневник, что к нему приехал придворный герцогини Мекленбургской и «просил, чтобы я после обеда приехал в Измайлово танцевать с маленькой принцессой, которая все обо мне спрашивает и ни с кем другим танцевать не хочет».

Известно, что принцесса вместе с матерью переехала из Измайлова в Петербург. Здесь 13 октября 1723 года царица Прасковья скончалась. Перед смертью, как пишет современник, она приказала подать себе зеркало и долго всматривалась в свое лицо. Похороны царицы состоялись через две недели и были по-царски торжественны и утомительны: балдахин из фиолетового бархата с вышитым на нем двуглавым орлом, изящная царская корона, желтое государственное знамя с крепом, печальный звон колоколов, гвардейцы, император со своей семьей, весь петербургский свет в трауре. Наконец прозвучал условный сигнал – и высокая черная колесница, запряженная шестеркой покрытых черными попонами лошадей, медленно поползла по улице, которую позже назовут Невским проспектом. Царицу Прасковью до самой Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря провожала вместе с матерью и теткой Прасковьей пятилетняя Анна. Ее везли в карете, было сыро, грязно, скользко и холодно.

Дела мекленбургского семейства после смерти царицы Прасковьи не пошли лучше. Екатерина была огорчена, что Карл Леопольд отказывался приехать в Петербург, к Петру, который мог бы помочь «дикому герцогу». Но все просьбы герцогини к мужу были бесполезны – в конце концов, после долгой борьбы, Карл Леопольд, не менявший своей «натуры», был лишен престола в 1736 году, арестован и кончил жизнь в ноябре 1747 года в темнице герцогского замка. С женой и дочерью он больше никогда не встречался.

Впрочем, огорчения Екатерины были неглубоки и недолги – ее оптимизм и легкомыслие неизменно брали верх над печальными мыслями, она веселилась и полнела. Берхгольц писал, что как-то герцогиня пожаловалась ему: император, видя ее полноту, посоветовал ей есть и спать поменьше, а она очень страдала от такого бесчеловечного совета. Но, замечает Берхгольц, «герцогиня скоро оставила пост и бдение, которых, впрочем, и не могла бы долго выдержать».

Анна была все время с матерью, которая при Екатерине I, вступившей на престол в 1725 году, и при Петре II – российском императоре с 1727-го по 1730 год – окончательно уходит в тень безвестности, – «Ивановны» никого уже не интересуют. Но в январе 1730 года на

престол Российской империи была приглашена курляндская герцогиня Анна Иоанновна, тетка одиннадцатилетней мекленбургской принцессы.

Анна не имела детей, по крайней мере законнорожденных, и смерть ее могла открыть дорогу к власти либо цесаревне Елизавете Петровне, либо «чертушке» – так звали при дворе племянника цесаревны, двухлетнего голштинского принца Карла Петера Ульриха, сына умершей в 1728 году старшей дочери Петра Великого Анны Петровны. Этого Анна Иоанновна ни при каких обстоятельствах допустить не могла. Сама же императрица, давно состоявшая в связи со своим фаворитом Бироном, замуж идти не хотела. Когда в 1730 году вдруг объявился жених – брат португальского короля инфант Эммануил, его подняли на смех и поспешно, одарив собольей шубой, выпроводили восвояси.

И тут появился довольно сложный вариант решения проблемы престолонаследия, который разработали хитроумный вице-канцлер Андрей Остерман и К.Г. Левенвольде. Анна согласилась на него. В 1731 году она потребовала от подданных присяги тому выбору наследника, который определит императрица по своей воле. Послушно присягая, подданные недоумевали: кто же все-таки будет наследником? Вскоре стало известно – и в этом-то и состояла хитрость плана, – что им станет тот, кто родится от будущего брака племянницы императрицы принцессы Мекленбургской и ее еще неведомого супруга. По заданию императрицы Левенвольде немедленно отправился в Германию на поиски достойного жениха для юной мекленбургской принцессы. А в это время с самой принцессой начались волшебные перемены.

Девочку забрали от матери ко двору тетки, назначили ей приличное содержание, штат придворных, а главное – начали поспешно воспитывать ее в православном духе. Ведь теперь с ее именем связана большая государственная игра! Обучением девушки занимался ученый монах Феофан Прокопович. В 1733 году, некогда при крещении в Мекленбурге нареченная по лютеранскому обряду Елизаветой Екатериной Христиной, получила она то имя, под которым вошла в русскую историю – Анна. У посторонних наблюдателей сложилось впечатление, что императрица удочерила племянницу и передала ей свое имя. Это не так, скорее всего, Анна Иоанновна стала крестной матерью Анны Леопольдовны. Родная мать Екатерина присутствовала на торжественной церемонии крещения дочери 12 мая 1733 года, но буквально через месяц умерла, ее похоронили рядом с матерью – царицей Прасковьей в Александро-Невском монастыре.

Екатерина все же успела рассмотреть жениха, которого нашел Анне в Германии Левенвольде. Это был Антон Ульрих, принц Брауншвейг-Бевернский, девятнадцатилетний племянник австрийской императрицы Елизаветы – жены Карла VI. Он приехал 5 февраля 1733 года и попал сразу на праздник именин императрицы и, соответственно, своей невесты. Вместе с ними он наблюдал удивительное зрелище: на ледовом поле замерзшей Невы перед Зимним дворцом тысячами зеленых и синих искусственных огней сиял сад, в середине которого можно было видеть огромную «клумбу» в виде короны с вензелем

императрицы, составленную из красных фонарей. Иллюминацией сияла Петропавловская крепость и Академия наук – всего в этот вечер горели огни ста пятидесяти тысяч ламп и фонарей. Принц мог воочию убедиться – его принимали в столице могущественной империи...

Принцесса Анна не производила выгодного впечатления на окружающих. «Она не обладает ни красотой, ни грацией, – писала жена английского резидента леди Рондо в 1735 году, – а ее ум еще не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность». Иного мнения об Анне был Эрнст Миних. Он писал, что ее считали холодной, надменной и якобы всех презирающей. На самом же деле ее душа была нежной и сострадательной, великодушной и незлобивой, а холодность была лишь защитой от «грубейшего ласкательства», так распространенного при дворе ее тетки. Так или иначе, некоторая нелюдимость, угрюмость и неприветливость принцессы бросались в глаза всем. Много лет спустя французский посланник Шетарди передавал рассказ о том, что герцогиня Екатерина была вынуждена прибегать к строгости против своей дочери, когда та была ребенком, чтобы победить в ней диковатость и заставить являться в обществе. Впрочем, объяснение не особенно симпатичным чертам Анны Леопольдовны нужно искать не только в ее характере, данном природой, но и в обстоятельствах ее жизни, особенно после 1733 года.

Приехавший жених Анны всех разочаровал: и невесту, и ее мать, и императрицу, и двор. Худенький, белокурый, женоподобный сын герцога Фердинанда Альбрехта был неловок от страха и стеснения под пристальными, недоброжелательными взглядами придворных «львов» и «львиц» двора Анны. Как писал в своих мемуарах Бирон, «принц Антон имел несчастье не понравиться императрице, очень недовольной выбором Левенвольде. Но промах был сделан, исправить его, без огорчения себя или других, не оказалось возможности». Императрица не сказала официальному свату – австрийскому послу ни да, ни нет, но оставила принца в России, чтобы он, дожидаясь совершеннолетия принцессы, обжился, привык к новой для него стране. Ему был дан чин подполковника Кирасирского полка и соответствующее его положению содержание.

Принц неоднократно и безуспешно пытался сблизиться со своей будущей супругой, но она равнодушно отвергала его ухаживания. «Его усердие, – писал впоследствии Бирон, – вознаграждалось такой холодностью, что в течение нескольких лет он не мог льстить себя ни надеждою любви, ни возможностью брака». Летом 1735 года произошел скандал, отчасти объяснивший подчеркнутое равнодушие Анны к Антону Ульриху. Шестнадцатилетнюю девицу заподозрили в интимной близости с красавцем и любимцем женщин графом Линаром – польско-саксонским послом в Петербурге, причем соучастницей тайных свиданий была признана воспитательница принцессы госпожа Адеракс. Последнюю посадили на корабль и выслали за границу, а затем по просьбе русского правительства Август II отозвал из России и графа Линара. Причина всего скандала была, как писала леди

Рондо, очень проста – «принцесса молода, а граф – красив». Пострадал и камер-юнкер принцессы Иван Брылкин, сосланный в Казань. С приходом Анны Леопольдовны к власти в 1740 году Линар тотчас явился в Петербург, стал своим человеком при дворе, участвовал в совещаниях, получил высший орден России – Святого Андрея, бриллиантовую шпагу и прочие награды. Факт, несомненно, выразительный, как и то, что не известный никому бывший камер-юнкер Брылкин был назначен обер-прокурором Сената. После скандала императрица Анна Иоанновна установила за племянницей чрезвычайно жесткий, недремлющий контроль. Проникнуть на ее половину было теперь посторонним совершенно невозможно.

Изоляция от возможного общества ровесников, подруг света и даже двора, при котором она появлялась лишь на официальных церемониях, длилась пять лет и не могла не повлиять на психику и нрав Анны Леопольдовны. Не особенно живая и общительная от природы, теперь она стала замкнутой, склонной к уединению, раздумьям, сомнениям, и, как писал Э. Миних, большой охотницей до чтения книг, что по тем временам считалось делом диковинным и барышень до хорошего не доводящим. Она поздно вставала, небрежно одевалась и причесывалась, с неохотой и страхом выходила на ярко сияющий паркет дворцовых зал. Общество, состоящее даже из четверых людей, к тому же хорошо знакомых Анне, было для нее тягостным, а о шумных, веселых праздниках и маскарадах и говорить нечего.

Изоляция принцессы Анны была прервана лишь в июле 1739 года. В этот день австрийский посол маркиз де Ботта от имени принца Антона Ульриха и его тетки – австрийской императрицы – попросил у императрицы Анны руки принцессы Анны и получил благосклонное согласие.

Судьба принцессы Анны более беспокоила фаворита императрицы Бирона. Видя демонстративное пренебрежение Анны к своему жениху, герцог в 1738 году пустил пробный шар: через посредницу – придворную даму – он попытался выведать, не согласится ли принцесса выйти замуж за его старшего сына Петра. При этом он заранее заручился поддержкой императрицы, и то обстоятельство, что Петр был на шесть лет младше Анны, не особенно смущало герцога – ведь в случае успеха его замысла Бироны породнились бы с правящей династией и посрамили бы хитрецов предыдущих времен – Меншикова и Долгоруких!

Но Анна Леопольдовна уже давно была пропитана духом аристократизма. Она отвергла притязания Бирона, сказав, что, пожалуй, готова выйти замуж за Антона Ульриха – принца из древнего рода. К слову сказать, принц, жених ее, к этому времени возмужал, участвовал волонтером в русско-турецкой войне, показал себя храбрецом под Очаковым, за что удостоился чина генерала и ордена Андрея...

Подталкивала суженых к свадьбе и сама императрица. По словам Бирона, она как-то сказала ему: «Никто не хочет подумать о том, что у меня на руках принцесса, которую надо отдавать замуж. Время идет, она уже в поре. Конечно, принц не нравится ни мне, ни принцессе; но особы нашего состояния не всегда вступают в брак по склонности». Наконец императрица решила больше свадьбу не откладывать. Первого июля 1739 года молодые обменялись кольцами. Антон Ульрих вошел в зал, где происходила церемония, одетый в белый с золотом атласный костюм, его длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам. Леди Рондо, стоявшей рядом со своим мужем, пришла в голову странная мысль, которой она и поделилась в письме к своей приятельнице в Англию: «Я невольно подумала, что он выглядите как жертва». Удивительно, как случайная, казалась бы, фраза о жертвенном барашке стала мрачным пророчеством. Ведь Антон Ульрих действительно был принесен в жертву династическим интересам русского двора. Но в тот момент все думали, что жертвой была невеста. Она дала согласие на брак и «при этих словах... обняла свою тетушку за шею и залилась слезами. Какое-то время Ее величество крепилась, но потом и сама расплакалась. Так продолжалось несколько минут, пока наконец посол не стал успокаивать императрицу, а обер-гофмаршал – принцессу». После обмена кольцами первой подошла поздравлять невесту цесаревна Елизавета Петровна. Реки слез потекли вновь. Все это более походило на похороны, чем на обручение.

Сама свадьба состоялась через два дня. Великолепная процессия потянулась к церкви Рождества на Невском проспекте. В роскошной карете лицом к лицу сидели императрица и невеста в серебристом платье. Потом был торжественный обед, бал... Наконец невесту облачили в атласную ночную сорочку, герцог Бирон привел одетого в домашний халат принца, и двери супружеской спальни закрыли. Целую неделю двор праздновал свадьбу. Были обеды и ужины, маскарад с новобрачными в оранжевых домино, опера в театре, фейерверк и иллюминация в Летнем саду. Леди Рондо была в числе гостей и потом сообщала приятельнице, что «каждый был одет в наряд по собственному вкусу: некоторые – очень красиво, другие – очень богато. Так закончилась эта великолепная свадьба, от которой я еще не отдохнула, а что еще хуже, все эти рауты были устроены для того, чтобы соединить вместе двух людей, которые, как мне кажется, от всего сердца ненавидят друг друга; по крайней мере, думается, что это можно с уверенностью сказать в отношении принцессы: она обнаруживала весьма явно на протяжении всей недели празднеств и продолжает выказывать принцу полное презрение, когда находится не на глазах императрицы». Говорили также, что в первую брачную ночь молодая жена убежала от мужа в Летний сад. Как бы то ни было, через тринадцать месяцев этот печальный брак дал свой плод – 18 августа 1740 года Анна Леопольдовна родила мальчика, названного Иваном. Английский посланник Э. Финч так описывает это еще «горячее» событие: «В то самое время, как я занят был шифрованием этого донесения, огонь всей артиллерии возвестил о счастливом разрешении принцессы Анны Леопольдовны сыном. Это заставило меня немедленно бросить письмо, надеть новое платье... и поспешить ко двору с поздравлением. Сейчас возвратился оттуда. Принцесса вчера еще гуляла в саду Летнего дворца, где проживал двор, спала хорошо, сегодня же поутру, между пятью и шестью часами, проснулась от болей, а в семь часов послала известить Ее величество. Государыня прибыла немедленно и оставалась у принцессы до шести часов вечера, то есть ушла только через два часа по благополучном разрешении принцессы, которая, так же как и новорожденный, в настоящее время находится, насколько возможно, в вожделенном здравии».

Рождение сына у молодой четы обрадовало императрицу Анну. Задуманный еще в 1731 году рискованный династический эксперимент увенчался полным успехом – родился, как по заказу, мальчик, он был здоровым и крепким! Покой династии был обеспечен, и Анна, став восприемницей новорожденного, тотчас засуетилась вокруг него. Для начала она отобрала Ивана у родителей и поместила его в комнатах рядом со своими. Теперь и Анна Леопольдовна и Антон Ульрих мало кого интересовали – свое дело они сделали. Однако понять наследника, заняться его воспитанием императрице Анне не довелось: 5 октября 1740 года, прямо за обеденным столом у нее начался сильнейший приступ болезни, который через две недели и привел ее к могиле.

В первый же день болезни Бирон созвал совещание виднейших сановников. Фаворит, как пишет Э. Миних, «проливая токи слез и с внутренним от скорби терзанием вопиал» не только о своей судьбе (что, конечно, было искренне), но и о судьбе России, которой грозило несчастье из-за малолетства Ивана Антоновича и слабых характерности Анны Леопольдовны. В конце своей продуманной истерической речи он сказал, что управление государством необходимоверить опытному человеку, который «имеет довольно твердости духа, чтобы непостоянный народ содержать в тишине и обуздании». Сановники – «ревностные патриоты», как их назвал потом Бирон, – с энтузиазмом заявили, что на роль правителя не видят никого, кроме самого Бирона. Он начал отказываться. И тут Алексей Бестужев-Рюмин, занявший место Артемия Волынского в Кабинете министров по воле Бирона, прибег к извращенной форме подхалимажа: он резким тоном, довольно грубо упрекнул Бирона в неблагодарности к России – стране, которая принесла ему славу, достаток и которую он теперь бросает в отчаянном положении. Бирон устыдился и дал согласие быть регентом, но только с условием, чтобы это решение было принято всеми высшими чинами империи. На другой день коллективная петиция с просьбой о назначении регентом Бирона была готова, причем первым ходатаем перед императрицей за Бирона был фельдмаршал Миних.

Но неожиданно Бирон встретил препятствие со стороны... самой Анны. Выяснилось, что она не собирается отправляться в лучший мир, а также подписывать какое-либо завещание. Она, женщина суеверная, боялась, что, как только она подпишет завещание, то вскоре и умрет. Неожиданную твердость проявила и Анна Леопольдовна, которая заявила Бирону, что просить императрицу о составлении завещания не будет, ибо не сомневается, что тетюшка и без особых хлопот обеспечит будущее Ивана Антоновича и его семьи. В итоге для Бирона дело стало приобретать неблагоприятный оборот – если императрица умрет, не подписав завещание в нужной ему редакции, то регентами наследника престола Ивана, скорее всего, станут его родители, а не он.

Тогда Бирон, стоя на коленях, стал упрашивать императрицу подписать завещание, или, как злорадно отметил Э. Миних, «герцог видел себя принужденным сам по своему делу стряпать». Стряпать приходилось поспешно, кое-как, жизнь уходила от Анны буквально на глазах. Бирон не покидал комнаты Анны, пока она не подписала указ о назначении Ивана

наследником престола и объявлении Бирона регентом до семнадцатилетия юного императора Ивана VI. Герцог мог вытереть пот со лба – его стряпня удалась... но счастье оказалось таким коротким.

Сколько раз уже бывало в истории, что вот так, достигнув вершины власти, человек от одного неверного движения или чьего-то легкого толчка вдруг низвергался в пропасть политического небытия. Именно так в 1727 году пал русский политический Голиаф – Меншиков, преодолевший все препятствия на своем пути наверх. И вот теперь наступила очередь Бирона: от своей судьбы не убежишь! Кто бы мог подумать, что запланированное на семнадцать лет регентство Бирона будет продолжаться всего три недели.

Поначалу все шло хорошо. Даже опасения относительно волнений гвардии во время присяги не оправдались: «Все свершилось в большем спокойствии, чем простой смотр гвардии в Гайд-парке» (из донесения Э. Финна). Бирон мог опереться на своих людей везде: в армии был Миних, в государственном аппарате – А.П. Бестужев-Рюмин и князь А.М. Черкасский, в политической полиции – А.И. Ушаков.

На службе регента было немало шпионов и добровольных доносчиков. Вскоре они донесли Бирону, что отец императора Антон Ульрих осуждает регента и плетет нити заговора. Бирон действовал быстро и решительно: подозреваемые в связях с отцом императора были арестованы, а затем Антон Ульрих подвергся унижительному допросу в присутствии высших чиновников и самого Бирона, который весьма грубо обращался со смущенным принцем. После этого принца отстранили от всех должностей и посадили под домашний арест. Все должны были понять, что их ждет, если так сурово поступили не с простым подданным, а с отцом царя! Известно также, что Бирон угрожал и Анне Леопольдовне, обещая ей, при таком поведении ее супруга, отослать все брауншвейгское семейство в Германию.

Одним словом, регент был активен, и все ему удавалось. Он часто встречался со своим самым близким сподвижником Минихом и говорил о делах. На встрече 8 ноября регент был слегка рассеян, а под конец беседы вдруг неожиданно спросил Миниха: «А что, фельдмаршал, вам никогда не случалось во время ваших воинских предприятий производить что-либо значительное ночью?» Миних, по словам его адъютанта Манштейна, отвечал, что он не помнит, «но что его правилом было пользоваться всеми обстоятельствами, когда они окажутся благоприятными».

Думаю, что Миних, рассказывая после переворота своему адъютанту эту историю, по своему обыкновению, приврал. Скорее всего, он от страха прирос к стулу и пробормотал что-то невразумительное. Ведь Бирон, сам того не ведая, попал в точку: как раз этой ночью Миних готовил «воинское предприятие» по свержению своего патрона. Впрочем, может быть,

Бирон что-то и заподозрил. Позже он говорил, что Миниху никогда не верил и знал его как человека амбициозного и отчаянного.

Намерение же убрать Бирона созрело у Миниха давно. Главной причиной его недовольства была скупость регента на награды и чины для фельдмаршала. Миних нашел общий язык с Анной Леопольдовной – она, не изощренная в интриге, стала жаловаться на притеснения и грубости Бирона, чем и воспользовался фельдмаршал. Конфликт был неизбежен. Как писал Э. Финч, Бирон понимал, что принцесса Анна никогда не простит Бирону устранение ее от престола. Вот почему Анна и Миних быстро столкнулись.

Поощренный Анной Леопольдовной Миних со своим адъютантом Манштейном и восьмьюдесятью солдатами в ночь на 9 ноября двинулся к Летнему дворцу – резиденции регента. Подойдя к дворцу, Миних остался снаружи и приказал Манштейну арестовать Бирона. Манштейн, минуя отдающих ему честь часовых и кланяющихся слуг, уверенно и спокойно зашагал по залам, будто бы со срочным донесением к регенту империи. Но его прошибал холодный пот страха, в душе нарастала тревога: не зная расположения комнат, он заблудился, спрашивать же у слуг, где спит герцог, было слишком опасно. Предоставим слово самому Манштейну, который в своих мемуарах пишет о себе в третьем лице: «Он прошел в зимний сад и беспрепятственно дошел до покоев. Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, он был в большом затруднении, не зная, куда идти. После минутного колебания он решил идти дальше по комнатам в надежде, что найдет наконец-то, чего ищет. Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертой на ключ; к счастью для него, она была двухстворчатая и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки, таким образом, он мог открыть ее без особенного труда. Там он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери. Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавесы и сказал, что имеет дело к регенту. Оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрый известием. Манштейн очутился с той стороны кровати, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею, но Манштейн поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками, и держал до тех пор, пока не появились гвардейцы. Герцог, встав наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладов, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его, голого, до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую тут карету фельдмаршала».

Ночная беготня, крики и шум этой классической сцены дворцового переворота подняли на ноги весь дворец, и только покойной императрице не было до всего этого никакого дела – она тихо лежала в гробу в парадном зале дворца и не видела, как мимо пронесли мычащего и лягающегося Бирона. Она уже ничем не могла помочь своему возлюбленному оберкамергеру. Похороны Анны Иоанновны состоялись уже после свержения Бирона 23 декабря 1740 года.

«В то время, когда солдаты боролись с герцогом, – заканчивает Манштейн свой приключенческий рассказ, – герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Манштейна, что с ней делать. Он приказал отнести ее обратно в ее комнаты, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее на землю, в снег, и ушел». Путь с вершины власти до грязного сугроба оказывается таким коротким!

На следующее утро от имени трехмесячного императора был зачитан манифест, в котором перечислялись все преступления регента, грубившего родителям Ивана VI. Теперь наступила его очередь побывать в гостях у генерала Ушакова – начальника сысского ведомства. Весной 1741 года суд вынес приговор: Бирона с семьей сослать в Сибирь, в город Пелым, навечно. Победитель Бирона Миних сам спланировал дом для семьи побежденного врага и послал специального комиссара, которому было поручено проследить за сибирским строительством.

Сразу же после свержения Бирона собранные к Зимнему дворцу гвардейские полки присягнули на верность «Благоверной государыне правительнице великой княгине Анне всея России» – таким стал титул Анны Леопольдовны, приравнявший ее власть к императорской. Рядом с правительницей стоял фельдмаршал Миних. Наступил час его триумфа и исполнения великих планов. «Миних, – писал Манштейн, – арестовал герцога Курляндского единственно с целью достигнуть высшей степени счастья... он хотел захватить всю власть... воображая, что никто не посмеет предпринять что-либо против него. Он ошибся».

Да, Миних ошибся, – его, русского Марса, победителя страшного Бирона, сбросила с политического Олимпа тихая, рассеянная женщина – регентша Анна Леопольдовна. Произошло это так. Миних рассчитывал стать генералиссимусом за «подвиг» своего адъютанта ночью 9 ноября 1740 года, но просчитался. Высшее воинское звание получил отец царя Антон Ульрих. Как известно, двух генералиссимусов в одной армии быть не может, и Миних страшно обиделся на «жадных» супругов. Кроме того, назначив Миниха первым министром, Анна Леопольдовна фактически оставила его не у дел – внешние дела поручила Остерману, а внутренние – Михаилу Головкину. Фельдмаршал терпел только до весны 1741 года. В начале марта он подал прошение об отставке – к подобному приему шантажа фельдмаршал, который считал себя незаменимым, прибегал не раз. Правительница, поколебавшись немного, неожиданно для Миниха... подписала указ об увольнении фельдмаршала, который сам просил это сделать, ссылаясь на старость и на то, «что он болен». Миних просчитался – он полагал, что под угрозой его отставки он получит все, что хотел. Анна сообщила фельдмаршалу о своем решении. «Это известие как гром поразило его, – писал Манштейн. – Его отблагодарили отставкой за его службу как раз в то время, когда он воображал, что могущество его утверждается более, чем когда-либо». Вступил в действие известный принцип: «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти» или

другой, латинский вариант: «Proditionem amo, proditorem odi» – «Люблю предательство – ненавижу предателя».

Миниху определили пенсию и караул возле дома, который отставной, но полный сил и замыслов деятель явно по недоразумению считал почетным. По крайней мере так он написал о нем в мемуарах, хотя из других источников мы знаем, что Миних сидел под домашним арестом. Не будем преувеличивать во всей этой истории самостоятельность Анны Леопольдовны. Ее слабой женской рукой водила рука вице-канцлера Андрея Остермана, который наконец почувствовал, что настал его час. Он привык действовать из-за кулис, коварно подставляя под удар других. И вот впервые он вышел на авансцену политики – стал первым и главным советником Анны. Он также не знал, что его ждет через год – после переворота Елизаветы 25 ноября 1741 года он, первым из правительства свергнутой Анны Леопольдовны, отправился в Сибирь, как и Миних. Тот, кстати, ехал в сибирскую ссылку, как раз в Пелым, чтобы освоить дом, который он построил для Бирона. В Казани Бирон и Миних случайно встретились – бывший регент ехал из Пелыма в Ярославль, на место новой ссылки. Эта встреча на дороге была неприятна обоим.

Провозгласив себя великой княгиней и правительницей России и став, в сущности, самодержавной императрицей, Анна Леопольдовна продолжала жить, как жила раньше. Мужа своего она по-прежнему презирала и часто не пускала незадачливого супруга на свою половину. Теперь трудно понять, почему так сложились их отношения, почему принц Антон был неприятен Анне. Конечно, принц был тих, робок и неприметен. В нем не было изящества, лихости и мужественности графа Линара. Миних говорил, что провел с принцем две кампании, но так и не понял: рыба он или мясо. Когда Артемий Волинский как-то спросил Анну Леопольдовну, чем ей не нравится принц, она отвечала: «Тем, что весьма тих и в поступках несмел».

Действительно, история краткого регентства Бирона показала, что в острые моменты, когда требовалось защитить честь семьи и свою собственную, принц выглядел тряпкой, и не без оснований Бирон говорил со смехом саксонскому дипломату Пецольду, что Антон Ульрих устроил заговор и привлек к нему... придворного шута, а потом на грозные вопросы регента отвечал с наивностью, что ему «хотелось немножечко побунтовать». Еще раньше Бирон говорил саксонскому дипломату Пецольду с немалой долей цинизма, что главное предназначение Антона Ульриха в России – «производить детей, но и на это он не настолько умен» и что нужно желать, чтобы родившиеся от него дети были похожи более на мать, чем на отца. Словом, вряд ли бедный Антон Ульрих мог рассчитывать на пылкую любовь молодой жены.

Драма же самой Анны состояла в том, что она совершенно не годилась для «ремесла королей» – управления государством. Ее никогда к этому не готовили, да и никто об этом, кроме судьбы и случая, не думал. Анна не отличалась трудолюбием, у нее не было честолюбия, энергии, воли, умения понравиться подданным приветливостью или, наоборот,

привести их в трепет грозным видом, как это успешно делала ее тетушка Анна Иоанновна. Фельдмаршал Миних писал, что Анна «по природе своей... была ленива и никогда не появлялась в Кабинете. Когда я приходил по утрам с бумагами... которые требовали резолюции, она, чувствуя свою неспособность, часто говорила: «Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда бы мог царствовать сам».

Далее Миних пишет то, что подтверждается другими источниками – письмами, мемуарами, даже портретами: «Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, идя к обеду, не носила фижм и в таком виде появлялась публично за столом и после полудня за игрой в карты с избранными ею партнерами, которыми были принц – ее супруг, граф Линар – посол польского короля и фаворит великой княгини, маркиз де Ботта – посол австрийского императора, ее доверенное лицо... господин Финч – английский посланник и мой брат (барон Х. В. Миних)». Только в такой обстановке, дополняет сын фельдмаршала Эрнст, она бывала свободна и весела в обществе.

Вечера эти проходили за закрытыми дверями в апартаментах ближайшей подруги правительницы и ее фрейлины Юлии Менгден или, как презрительно звала ее потом императрица Елизавета Петровна, Жульки. Без этой, как писали современники, «пригожей собой смуглянки» Анна не могла прожить и дня – так они были близки. Их отношения были необычайны и бросались в глаза многим. Финч, знавший хорошо всю карточную компанию, писал, что любовь Анны к Юлии «была похожа на самую пламенную любовь мужчины к женщине», что они часто спали вместе. Анна дарила Юлии бесценные подарки, в том числе полностью обставленный дом.

Многие наблюдатели сообщали, что, кроме Юлии, на Анну оказывал огромное влияние граф Линар, тотчас же появившийся после прихода Анны к власти. Говорили о предстоящем браке Линара и Юлии. Цель его состояла в том, чтобы прикрыть связь правительницы с кем-то из этой пары. Во всяком случае, французский посланник Шетарди видел записку Линара к правительнице, перехваченную людьми Елизаветы Петровны. Тон и содержание ее не оставляли сомнений относительно истинных причин этого события. Осенью 1741 года Линар уехал в Дрезден, чтобы получить там отставку и стать при Анне Леопольдовне обер-камергером. Как известно, эту ключевую в управлении Россией роль при Анне Иоанновне играл Бирон. Теперь на нее готовился Линар. По дороге в Петербург Линару стало известно о свержении Анны Леопольдовны, и он повернул назад. И правильно, надо сказать, сделал – не избежать бы ему путешествия в Сибирь.

В ожидании Линара Анна и Юлия долгими вечерами, сидя у камина, занимались рукоделием – спарывали золотой позумент с бесчисленных камзолов Бирона, чтобы отправить его на переплавку. Юлия давала советы своей сердечной подруге, как управлять Россией... Анна Леопольдовна была существом безобидным и добрым. Правда, как писал Манштейн, правительница «любила делать добро, но вместе с тем не умела делать его кстати». Таким, как Анна, – наивным, простодушным и доверчивым, места в волчьей стае

политиков не было, рано или поздно такие случайные люди гибнут. Так и произошло с Анной Леопольдовной. В октябре – ноябре 1741 года, получив достоверные известия о заговоре Елизаветы Петровны, Анна поступила наивно и глупо... Но об этом будет рассказано позже.

Единственный документ, который дает представление о подлинной жизни маленького императора Ивана – систематическая опись императорских покоев. Пройдя через множество комнат и зал, мы попадаем в спальню Ивана. Здесь всем командовала старшая мамка царя Анна Юшкова, не отходившая от младенца ни на шаг. Ночевала она в соседней комнате, рядом жила и тщательно выбранная из множества кандидаток кормилица Екатерина Иванова со своим сыном – молочным братом Ивана. У царя было две дубовые колыбели, оклеенные снаружи парчой, а изнутри – зеленой тафтой. Колыбели специально строил лучший мастер Адмиралтейства. На маленьких скамеечках лежали мягкие подушечки, покрытые алым сукном. Не менее красивы были и маленькие кресла – малиновый бархат, золотой позумент. Первый трон императора был пока на колесах – кресло с высокой спинкой и ножками. Мебель, убранство комнат – все это было произведениями искусства, созданными выдающимися мастерами. Особенно великолепны были вышитые золотом и серебром обои. Оконные и дверные занавеси подбирались в тон обоям, которые были всех цветов радуги: зеленые, желтые, малиновые, синие. Пол также обивали красным или зеленым сукном, заглушавшим все шумы и скрипы. До чудесной опочивальни царя мог долетать лишь нежный перезвон часов да легкое шуршание платьев служанок и фрейлин, которые сдували каждую пылинку с младенца – повелителя их жизни. Дошло до нас и первое описание «путешествия» императора из Летнего в Зимний дворец в субботу 21 октября 1740 года, составленное Э. Финчем: «По дороге я встретил юного государя. Его величество сопровождал отряд гвардии, впереди ехал обер-гофмаршал и другой высший чин двора, камергеры шли пешком. Сам государь в карете лежал на коленях кормилицы, его сопровождала мать, великая княгиня Анна Леопольдовна. За их первой каретой ехало еще несколько, образуя поезд. Я немедленно остановил свой экипаж и вышел из него, чтобы поклониться Его величеству и Ее величеству».

Возможно, императора возили посмотреть на невиданные подарки, прибывшие из Персии, – огромных слонов и верблюдов. Десятого октября 1740 года петербуржцы высыпали на улицу, чтобы поглазеть на удивительное зрелище – в столицу вступало посольство персидского шаха Надира. К этому времени Надир достиг вершины своего могущества – к его ногам пала Индия, империя Великих Моголов. Разграбив Дели, он вывез оттуда сказочно богатые трофеи, и частью их он решил поделиться со своим великим северным соседом, который, как и Надир, воевал с турками.

Огромный красочный караван прошел по Невскому проспекту. Посол, в расшитых золотом одеждах, гарцевал на великолепном скакуне, следом величественно вышагивали четырнадцать слонов – живые подарки Надира императору Ивану. Бесконечная вереница мулов и верблюдов тащила подарки и припасы посольства. Но это было не все посольство. Вступление персидского каравана в Астрахань вызвало панику в столице –

шестнадцатитысячное посольство напоминало армию, укывшуюся в тени пальмовой ветви мира. С трудом удалось уговорить персов сократить посольство в четыре раза, но и так оно оставалось огромным.

Но еще невероятнее оказались подарки, нет, сказочные дары персидского шаха: бесценные восточные ткани, сосуды изящных форм, оружие, конская сбруя, усыпанная драгоценными камнями, редкой красоты сапфиры, алмазы, рубины.

Посольство Надира прибыло в столицу России уже после свержения Бирона, хотя в путь отправилось наверняка еще при нем. Любопытно, что за год до описываемых событий французский посланник Шетарди, узнав о назначении Бирона регентом, тотчас вспомнил Надира и поразился схожести судеб этих двух людей, почти одногодков. До какого-то момента их жизненные пути совпадали просто удивительно. Надир в Персии, как и Бирон в России, был чужестранцем, тюрком из племени афшаров, беглым рабом из Хорезма. Он сумел полностью подчинить своему влиянию шаха Тахмаспа II Сефевиды. Затем хитростью, силой и коварством он добился низложения своего повелителя и провозглашения шахом восьмимесячного сына Тахмаспа Аббаса III, при котором он стал регентом. Прошло четыре года, и Надир решил вступить на престол сам. Для этого были устроены грандиозные выборы, где комедия публичных отказов Надира занять престол сменялась тайными интригами и убийствами тех, кто всерьез принял отставку временщика. Наконец после долгих уговоров Надир согласился – конечно, нехотя, только ради блага и интересов государства! – занять трон. Вскоре Аббаса III и его отца Тахмаспа утервили. Династия Сефевидов перестала существовать, а через несколько лет нож убийцы не миновал груди и самого Надира.

Любопытно, что Надир, посылая посольство в Петербург, надеялся получить согласие русских на брак с Елизаветой. До Мешхеда и Дели докатилась слава о голубоглазой красавице-цесаревне, дочери Петра Великого. Именно ее он предполагал ослепить блеском золота и сиянием бриллиантов и сапфиров. Но не довелось посланнику шаха увидеть Елизавету – Остерман не допустил. Цесаревна была в гневе и велела передать Остерману, что он забывает, кто она и кто он сам, – бывший писец, ставший министром благодаря милости Петра Великого, ее отца, и что он может быть уверен: ничего она ему не простит! И как мы знаем, Елизавета не простила Остерману обиды. Конечно, дело не в том, что Елизавета рвалась в гарем Надира. Она рвалась к власти! Ее час приближался, она уже почувствовала свою силу.

Конец лета 1741 года, первого лета правительницы России Анны Леопольдовны, прошел под звуки фанфар и салюта. В июле Анна Леопольдовна родила второго ребенка – принцессу Екатерину, а 23 августа русские войска под командой фельдмаршала Петра Ласси наголову разбили шведскую армию под крепостью Вильманstrand в Финляндии. Швеция начала войну против России в июле 1741 года. Смерть Анны Иоанновны, свержение Бирона, а потом и Миниха стали сигналом для шведов, мечтавших вернуть утраченные после

Северной войны земли Восточной Прибалтики. Швеция выставила три причины начала войны: убийство в Польше русскими офицерами шведского дипломатического курьера барона Синклера, отказ русского правительства поставлять в Швецию хлеб и, наконец... освобождение России от иноземного гнета. Так и писалось в шведском манифесте, имея в виду немецких временщиков при русском дворе. За этой удивительной для истории войн в Европе причиной скрывалось весьма прозаическое намерение оказать помощь «патриотическому заговору» цесаревны Елизаветы Петровны, уже созревшего в Петербурге.

Впрочем, о высоких целях шведской армии не знали ни русские солдаты, ни командовавшие ими в основном иностранные генералы: немцы, шотландцы, англичане, которые под командой Ласси сделали свое дело быстро и профессионально: стремительный марш от Выборга, атака по сильно пересеченной местности – шведы были сбиты с позиций, и на их плечах русские ворвались в крепость Вильманstrand. Большая часть шведов погибла, остальные, вместе с командующим, попали в плен. По мнению иностранных наблюдателей, русские подтвердили свою блестящую репутацию воинов.

Саксонский посланник Зум писал: «В оборонительной войне я считаю это государство непобедимым... Русский человек тотчас становится солдатом, как только его вооружают. Его с уверенностью можно вести на всякое дело, ибо его повиновение слепо и вне всякого сравнения. Он довольствуется плохой и скудной пищей. Он, кажется, нарочито рожден для громадных военных предприятий».

Победа над шведским львом под тремя коронами (таков символ шведского королевства) была яркой, неожиданной и отмечалась в Петербурге очень торжественно. Молодой русский поэт Михаил Ломоносов написал оду на победу России. И в ней были такие слова:

Российских войск слава растет.

Дерзкие сердца страх трясет,

Младой орел уж льва терзает!

«Младой орел» лежал по-прежнему в детской кроватке, а люди, управлявшие государством, делали это бездарно. Они не смогли воспользоваться блестящей победой в Финляндии для упрочения режима и тем самым обрекли себя на гибель. Делами в стране ведал Остерман. Он стремился полностью подчинить своей власти правительницу Анну так, чтобы она не слушала больше ничьих других советов. Но Анна понимала истинные намерения своего первого министра и прислушивалась к мнению других: министра Михаила Головкина и обер-прокурора Сената Ивана Брылкина, которые советовали Анне немедленно принять титул императрицы, взять на себя всю полноту власти. Необходимые для этого документы уже готовились, и 7 декабря 1741 года, в день своего двадцатитрехлетия, правительница России Анна должна была стать императрицей России Анной II. Оставался всего один шаг, но он так и не был сделан...

Мы не знаем теперь, какой императрицей стала бы Анна Леопольдовна. Ее вялость, сдержанность, неяркий темперамент, плохая подготовка к правлению таким, как Россия, государством особых надежд на благополучное царствование не оставляют, хотя в жизни бывает всякое: власть, корона на голове могут преобразить человека, разбудить в нем такую активность, тщеславие, ум, что он становится неузнаваем. Достаточно вспомнить историю австрийской эрцгерцогини Марии Терезии, ставшей знаменитой правительницей. Почти ровесница Анны Леопольдовны, она в 1740 году унаследовала трон умершего отца Карла VI и сразу же была вынуждена немедленно начать отчаянную борьбу против старых врагов Австрии, мечтавших разорвать империю на части. Самым страшным и беспощадным врагом Марии Терезии стал гениальный прусский король Фридрих II. И тем не менее молодая и неопытная Мария Терезия оказалась достойной своего предназначения, сумела не только сохранить империю, но и упрочить ее положение в мире. Она собрала вокруг себя талантливых министров, провела важные реформы, и, когда пришло время передать власть над цветущей страной своему сыну Иосифу II, родившемуся почти одновременно с Иваном Антоновичем, Мария Терезия это и сделала.

К ноябрю 1741 года в окружении цесаревны Елизаветы активно разрабатывались планы государственного переворота. По разным каналам правительство Анны получало об этом информацию, но значения этому не придавало. Анна и ее министры оставались беспечны и недалёковидны. Никто не мог и предположить, что Елизавета, эта изнеженная, капризная красавица, прожигательница жизни, способна на такое мужское, опасное, в стиле смелого Миниха, дело – государственный переворот.

Но все оказалось совсем не так, как думали Анна и ее министры. Ночью 25 ноября 1741 года Анна Леопольдовна проснулась от шума и грохота солдатских сапог. За ней и ее сыном пришли. Есть две версии ареста брауншвейгской семьи. По первой, Елизавета вместе с

солдатами вошла в спальню правительницы и громко сказала; «Сестрица, пора вставать!» В постели рядом с Анной лежала девица Менгден. По другой, более правдоподобной версии, убедившись, что дворец полностью блокирован верными ей солдатами, цесаревна послала отряд гренадер арестовывать правительницу. При виде солдат Анна вскричала: «Ах, мы пропали!»

По всем источникам видно, что никакого сопротивления насилию она не оказала, безропотно оделась, села в подготовленные для нее сани и позволила увести себя из Зимнего дворца.

Накануне переворота с правительницей Анной произошла досадная оплошность: подходя к цесаревне Елизавете правительница споткнулась о ковер и внезапно, на глазах всего двора, упала в ноги стоявшей перед ней Елизавете. Современник воспринял это как дурное предзнаменование.

Принцу Антону Ульриху одеться не позволили и полуголого снесли в одеяле к саням. Сделано было это умышленно; так брали Бирона, его брата-генерала, многих высокопоставленных жертв других переворотов. Расчет здесь прост – без мундира и штанов не очень-то покомандуешь, будь ты хоть генералиссимус! Не все прошло гладко при «аресте» годовалого императора. Солдатам был дан строгий приказ не поднимать шума и взять ребенка только тогда, когда он проснется. Так около часа они и простояли молча у колыбели, пока мальчик не открыл глаза и не закричал от страха при виде свирепых физиономий гренадер. Кроме того, в суматохе сборов в спальне уронили на пол четырехмесячную сестру императора, принцессу Екатерину. Она, как выяснилось потом, из-за этого потеряла слух. Но на это никто не обратил внимания – это была единственная жертва бескровной «революции» Елизаветы.

Императора Ивана принесли Елизавете, и она, взяв его на руки, якобы сказала: «Малютка, ты ни в чем не виноват!» Но что делать с младенцем и его семьей, никто толком не знал. Все понимали, что Елизавета была узурпатором, свергшим законного властелина Российской империи, и что он был родственником многих коронованных особ, в том числе – Фридриха II и датского короля Христиана VI. Раздумья новой императрицы были недолги – радость быстрой и легкой победы кружила голову, и она решила попросту выслать из страны брауншвейгскую семью. Двадцать восьмого ноября об этом был опубликован манифест, и в ту же ночь санный обоз из закрытых кибиток, в которых сидели император, его родственники и приближенные, а также многочисленный конвой под командованием обер-полицмейстера Василия Салтыкова, поспешно покинул Петербург по дороге на Ревель и Ригу, к западной границе России.

Перед отъездом Салтыков получил особую инструкцию, согласно которой экс-императора Ивана надлежало срочно доставить в Ригу, а затем в Митаву и далее отправить в Германию. Не успел конвой отъехать от Петербурга, как курьер от императрицы нагнал путников и передал Салтыкову новую инструкцию, которая требовала от него совершенно противоположного: «Ради некоторых обстоятельств то (быстрая езда до Митавы. – Е.А.) отменяется, а имеете вы ваш путь продолжать как возможно тише и держать роздыхи на одном месте дни по два». «Некоторые обстоятельства» заключались в том, что Елизавета пожалела о своем великодушном поступке, она подумала, что брауншвейгская фамилия, оказавшись за границей у своих могущественных родственников, будет представлять для нее серьезную опасность. Поезд с узниками ехал все медленнее, указы, доставляемые из Петербурга, становились все более грозными, ранее довольно свободный режим содержания узников становился более суровым. В конце концов через год такого странного путешествия несчастная семья оказалась в заточении в Динамюнде – крепости под Ригой. Стало ясно, что клетка за несчастными захлопнулась навсегда. В крепостных казематах Динамюнде узники провели более года, там в 1743 году Анна родила третьего ребенка – Елизавету, а в январе 1744 года Салтыков получил указ срочно отправить своих подопечных подальше от границы – в центр России, в город Раненбург Воронежской губернии. Императрица требовала, чтобы при этом Салтыков сообщил: отъезжая на новое место, Анна Леопольдовна и ее муж были «в сердитом или в довольном виде». Салтыков отвечал, что, когда члены семьи увидели, что их намереваются рассадить по разным кибиткам, они «с четверть часа поплакали» и, вероятно, думали, что их хотят разлучить. Жизнь их проходила в ожидании худших событий.

Новый начальник конвоя капитан Вындомский сначала по ошибке повез арестантов не в Раненбург Воронежской губернии, а в Оренбург – город, отстоящий на тысячи миль восточнее. В Раненбурге брауншвейгская семья прожила до конца августа 1744 года, когда туда внезапно прибыл личный посланник Елизаветы майор гвардии Николай Корф. Он привез с собой секретный указ императрицы – жестокий и бесчеловечный. Корф был обязан ночью отнять у родителей экс-императора Ивана и передать его капитану Миллеру, которому было приказано везти четырехлетнего малыша в закрытом возке на север, ни под каким видом никому не показывая мальчика и ни разу не выпуская его на улицу. Примечательно, что с этого момента Миллер был обязан называть Ивана новым именем – Григорий. Может быть, имя такое было выбрано случайно, а может быть, и нет – таким именем Елизавета как бы низводила бывшего императора до уровня самозванца Гришки Отрепьева.

Корф, судя по его письмам, не был тупым служакой-исполнителем. У него было мягкое сердце, он понимал, что его руками делается недоброе дело. Поэтому он запросил Петербург, как поступать с мальчиком, если тот будет «неспокоен разлучением с родителями» и начнет спрашивать у охраны о матери или отце. Из Петербурга прикрикнули: поступать надлежит по указу, называть мальчика Григорием и, не отвечая на его вопросы, везти к месту назначения. Место это было ужасное... Называлось оно Соловки.

Огромный монастырь, построенный в начале XV века монахами-отшельниками на каменном острове в Белом море, значительную часть своей истории служил местом заточения. Узники, узнав, что их везут на Соловки, исповедовались и причащались, как перед смертью, – жизнь в подземной тюрьме, в холоде, темноте и безмолвии не была долгой.

Но вернемся в Раненбург. Корф думал не только о судьбе ребенка. Он спрашивал императрицу, что же делать с Юлией Менгден – ведь ее нет в списке будущих соловецких узников, и «если разлучить принцессу с ее фрейлиной, то она впадет в совершенное отчаяние». Петербург остался глух к сомнениям Корфа – Анну было приказано везти на Соловки, а Менгден оставить в Раненбурге. Что пережила Анна, прощаясь навсегда с подругой, которая составляла как бы часть ее души, представить трудно. Ведь уезжая из Петербурга, Анна просила императрицу об одном: «Не разлучайте с Юлией!» И тогда Елизавета скрепя сердце дала согласие. Теперь она свою волю переменяла. Корф писал, что известие о разлучении подруг и предстоящем путешествии в неизвестном для них направлении как громом поразило всех узников: «Эта новость повергла их в чрезвычайную печаль, обнаружившуюся слезами и воплями. Несмотря на это и на болезненное состояние принцессы (она была беременна. – Е.А.), они отвечали, что готовы исполнить волю государыни».

В этой истории отчетливо видны пристрастия Елизаветы. В марте 1745 года, когда Юлию и Анну разделяли сотни миль, Елизавета написала Корфу: «Спроси Анну, кому розданы алмазные вещи ее, из которых многие не оказываются [в наличии]. А ежели она, Анна, запирается станет, что не отдавала никому никаких алмазов, то скажи, что я принуждена буду Жульку розыскивать (пытать. – Е.А.), и ежели ей [ее] жаль, то она до того мучения не допустит».

Это было не первое письмо такого рода, полученное от Елизаветы. Уже в октябре 1742 года она писала Салтыкову в Динамюнде, чтобы тот сообщил, как и почему бранит его Анна – до Елизаветы дошел слух об этом. Салтыков отвечал, что это навет и «у принцессы я каждый день поутру бываю, токмо кроме ея учтивства никаких противностей, как персонально, так и чрез... офицеров, ничего не слышал, а когда ей что потребно, о том [она] с почтением меня просит». Салтыков писал правду – такое поведение было характерно для Анны. Она была кроткой и безобидной женщиной – странная, тихая гостья в этой стране, на этой земле. Но ответ Салтыкова явно императрице не понравился – ее ревнивой злобе к этой женщине не было предела. Истоки ненависти Елизаветы к Анне понятны. Императрице было невыносимо слышать и знать, что где-то есть женщина, окруженная, в отличие от нее, императрицы, детьми и семьей, что есть люди, разлукой с которыми вчерашняя правительница Российской империи печалится больше, чем расставанием с властью, что ей, этой тихой Анне, вообще не нужна власть, а нужен только дорогой ее сердцу человек. Лишенная, казалось бы, всего: свободы, нормальных условий жизни, сына, близкой подруги, эта женщина не билась, как ожидала Елизавета, в злобной истерике, не бросалась

на стражу, не писала императрице униженных просьб, а лишь покорно принимала все, что приносил ей начинающийся день, еще более печальный, чем день вчерашний.

Более двух месяцев Корф вез брауншвейгскую семью к Белому морю. Но из-за бездорожья донести не смог и упросил Петербург хотя бы временно прекратить это измотавшее всех – узников, охрану, самого Корфа – путешествие и поселить арестантов в Холмогорах – небольшом городе на Северной Двине, выше Архангельска. Весной 1746 года в Петербурге решили, что узники здесь останутся еще на какое-то время. Никто даже не предполагал, что пустовавший дом холмогорского архиерея станет их тюрьмой на долгие тридцать четыре года.

Анне Леопольдовне не суждено было прожить и двух лет. 27 февраля 1746 года она родила мальчика – принца Алексея. Это был последний, пятый ребенок, четвертый, сын Петр родился здесь, в Холмогорах, в марте 1745 года. Рождение всех этих детей становилось причиной новой вспышки ненависти Елизаветы к Анне. Дети были принцами и принцессами, которые, согласно завещанию императрицы Анны Иоанновны, имели права на престол больше, чем Елизавета.

Получив из Холмогор известие о появлении на свет принца Алексея, Елизавета, согласно рапорту курьера, «изволила, прочитав, оный рапорт разодрать». Рождение детей у Анны Леопольдовны и Антона Ульриха тщательно скрывалось от общества, и коменданту тюрьмы категорически запрещалось в переписке даже упоминать о детях. После смерти Анны императрица потребовала, чтобы Антон Ульрих сам написал подробнее о смерти жены, но при этом не упоминал, что она родила сына. Но, как часто бывало в России, о принцах и принцессах можно было узнать уже на холмогорском базаре, о чем свидетельствуют многочисленные документы из Тайной канцелярии.

Рапорт о смерти двадцативосьмилетней Анны пришел вскоре после сообщения о рождении принца Алексея. Бывшая правительница России умерла от последствий родов, так называемой послеродовой горячки. В официальных же документах причиной смерти Анны был указан «жар», общее воспаление организма. Комендант Холмогорской тюрьмы Гурьев действовал по инструкции, которую получил еще задолго до смерти Анны: «Ежели, по воле Божией, случится иногда из известных персон кому смерть, особливо же принцессе Анне или принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положи в спирт, тотчас то мертвое тело к нам прислать с нарочным офицером».

Именно так и поступил поручик Писарев, доставивший тело Анны в Петербург, точнее – в Александро-Невский монастырь. В официальном извещении о смерти Анна была названа «Благоверною принцессою Анною Брауншвейг-Люнебургской». Титула правительницы России за ней не признавалось, равно как и титула императора за ее сыном. В служебных

документах чаще всего они упоминались нейтрально: «известные персоны». И вот теперь, после смерти, Анна стала вновь, как в юности, принцессой. Хоронили ее как второстепенного члена семьи Романовых. На утро 21 марта 1746 года были назначены панихида и погребение. В Александро-Невский монастырь съехались все знатнейшие чины государства и их жены – всем хотелось взглянуть на эту женщину, о драматической судьбе которой так много было слухов и легенд. Возле гроба Анны стояла императрица Елизавета. Она плакала – возможно, искренне, она была завистлива и мелочна, но злодейкой, которая радуется чужой смерти, никогда не слыла. Анну Леопольдовну предали земле в Благовещенской церкви. Там уже давно вечным сном спали две другие женщины – царица Прасковья Федоровна и мекленбургская герцогиня Екатерина. Так 21 марта 1746 года три женщины, связанные родством и любовью – бабушка, мать и внучка, соединились навек в одной могиле.

На земле оставались страдать дети Анны и ее муж. Умирая в архиерейском доме, Анна даже не подозревала, что ее первенец Иван уже больше года живет с ней рядом, за глухой стеной, разделявшей архиерейский дом на две части. Впрочем, возможна ошибка – материнское сердце чувствует дитя и за тысячи миль. Мы не знаем, как вез мальчика капитан Миллер и что он отвечал на бесконечные и тревожные вопросы оторванного от родителей ребенка, которого теперь стали называть Григорием, как сложились у них отношения за долгие недели езды в одном маленьком возке без окон. Известно лишь, что юный узник и его стражник приехали в Холмогоры раньше всех остальных членов брауншвейгской семьи и Ивана поселили в изолированной части дома архиерея. Комната-камера экс-императора была устроена так, что никто, кроме Миллера и его слуги, пройти к нему не мог. Содержали Ивана в тюрьме строго. Когда Миллер запросил Петербург, можно ли его прибывающей вскоре жене видеть мальчика, последовал ответ – нет!

Многие факты говорят о том, что, разлученный с родителями в четырехлетнем возрасте, Иван был нормальным, резвым мальчиком. Нет сомнения, что он знал, кто он такой и кто его родители. Об этом свидетельствует официальная переписка еще времен Динамюнде. Полковник Чертов, отправленный на Соловки готовить камеру для Ивана, получил распоряжение: комната должна быть без окон, чтобы мальчик «по своей резвости в окно не выскочил». Позже, уже в 1759 году, один из охранников рапортовал, что секретный узник называет себя императором. Как вспоминал один из присутствовавших на беседе императора Петра III с Иваном в 1762 году в Шлиссельбурге, Иван отвечал, что императором его называли родители и солдаты. Помнил он и доброго офицера по фамилии Корф, который о нем заботился и даже водил на прогулку.

Все это говорит только об одном – мальчик не был идиотом, больным физически и психически, как порой это изображали. Отсюда следует еще один ужасный вывод – его детство, отрочество, юность, волшебные мгновения весны человеческой жизни, были проведены в пустой комнате с кроватью, столом и стулом, скучным лицом молчаливого слуги Миллера, который грубо и бесцеремонно обращался с мальчиком. Вероятно, он слышал неясные шумы за стеной камеры, ждал нетерпением того дня, точнее – ночи, когда

его выводили завязанными глазами во двор дома и быстро вели в баню. Только свежий воздух сада, шум невидимых деревьев, крик ночной птицы могли ассоциироваться у мальчика с другим, неведомым ему никогда миром свободы.

Конечно, Елизавета бы вздохнула с облегчением, если бы получила рапорт коменданта о смерти экс-императора. Личный врач Елизаветы Лесток авторитетно говорил в феврале 1742 года, что Иван мал для своего возраста и что он должен неминуемо умереть при первой серьезной болезни. Такой момент наступил в 1748 году, когда у восьмилетнего мальчика начались страшные болезни – одновременно оспа и корь. Комендант, видя всю тяжесть положения больного, запросил императрицу, можно ли допустить к ребенку врача, а если он будет умирать – то и священника. Ответ был недвусмысленный: допустить можно, но только монаха и в последний час. Иначе говоря, не лечить – пусть умирает! Природа же оказалась гуманнее царицы – она дала возможность Ивану выжить. Один из современников, видевших Ивана взрослым, писал, что он был белокур, даже рыж, роста среднего, «очень бел лицом, с орлиным носом, имел большие глаза и заикался. Разум его был поврежден... Он возбуждал к себе сострадание, одет был худо». О «повреждении разума» пойдет речь ниже, но сейчас отмечу, что в начале 1756 года в жизни Ивана наступила резкая перемена. Неожиданно глухой январской ночью пятнадцатилетнего юношу тайно вывезли из Холмогор и доставили в Шлиссельбург. Охране дома в Холмогорах было строго предписано усилить надзор за Антоном Ульрихом и его детьми, «чтобы не учинили утечки».

Обстоятельства, сопровождавшие поспешный перевод секретного узника из Холмогор в одну из самых мрачных тюрем Российской империи, до сих пор остаются таинственными. За полгода до этих событий на польско-русской границе произошло другое событие, которое какими-то тайными нитями было связано с Иваном, Елизаветой, Фридрихом II и многими другими людьми, втянутыми в это дело. Пограничная стража захватила некоего тобольского купца Ивана Зубарева, переходившего границу. О нем знали, что он был беглый преступник, бежавший в Польшу. Вскоре Зубарев стал давать показания, и им занялись первейшие люди Российской империи. Зубарев рассказал, что он, бежав из-под стражи за границу, оказался в Пруссии, в городе Кенигсберге. Здесь его пытались завербовать в прусскую армию, а затем он попал в руки известного читателю Манштейна, некогда вытаскивавшего из-под кровати Бирона и к этому времени ставшего генерал-адъютантом короля Фридриха II. Манштейн привез Зубарева в Берлин, а потом – в Потсдам. По дороге он познакомился с принцем Фердинандом Брауншвейгским – родным братом Антона Ульриха, видным полководцем прусской армии. Этот принц якобы уговорил Зубарева вернуться в Россию, пробраться в Холмогоры и известить брата о том, что весной 1756 года к Архангельску придут «под видом купеческих» прусские военные корабли и попытаются освободить Антона Ульриха из заключения.

Через некоторое время сибирский купец был принят во дворце Сан-Суси самим Фридрихом II, который наградил его деньгами и чином полковника. После этого Манштейн, снабдив Зубарева золотом и специальными медалями, которые мог бы узнать Антон Ульрих,

отправил завербованного агента в Россию. При переходе польско-русской границы Зубарев и был захвачен русской пограничной стражей. История, рассказанная Зубаревым следователям Тайной канцелярии, загадочна. Несомненно, Зубарев был отчаянный авантюрист и проходимец, который в карман за словом не лез и мог придумать все, что угодно. Но, наряду с совершенно фантастическими подробностями своего пребывания в Пруссии, он приводит достоверные данные, говорящие, что, возможно, Зубарев действительно был в Сан-Суси у Фридриха. Настораживает и то, что постоянным героем его рассказов, организатором всей авантюры выступает Манштейн. Это чрезвычайно важно. Как только Елизавета взойшла на престол, Манштейн уехал в Пруссию якобы в отпуск, но сразу же поступил на службу к пруссакам. Дело по тем временам было обычным. Но реакция Елизаветы была крайне нервной – она требовала возвращения Манштейна в Россию, а когда выяснилось, что он не вернется, военный суд приговорил Манштейна к смертной казни за дезертирство. Между тем Манштейн стал первым экспертом короля по русским делам и, возможно, ведал шпионами короля в России.

Не исключено, что Манштейн, принц Фердинанд и Фридрих задумали освободить Антона Ульриха и его семью из заточения, что отвечало политическим целям Пруссии, заинтересованной в дестабилизации положения в России. Возможно, что весь этот план был предложен пруссакам авантюристом Зубаревым. Один из свидетелей, видевших Зубарева в Кенигсберге, показал, что Зубарев, прощаясь с ним и другими русскими, говорил: «Прощайте, братцы... запишусь я в жолнеры и буду просить, чтоб меня повели к самому прусскому королю, мне до него есть нужда». Думаю, что эта «нужда» и привела сибирского купца в Сан-Суси. И Манштейн, и Фридрих ничем не рисковали – попробовать связаться с Антоном Ульрихом взялся этот русский!

Можно предположить, что Зубарев действовал по заданию русского правительства, которое было обеспокоено слухами в народе о несчастном императоре в темнице и его непременном освобождении и пыталось таким образом спровоцировать пруссаков и одновременно оппозиционные силы внутри России на выступление, чтобы сразу же раздавить заговор в зародыше. Такой авантюрист, каким был Зубарев для этого дела годился как нельзя лучше. Никакие корабли из Пруссии в Холмогоры не приходили, в 1756 году началась война России с Пруссией, тревога охраны оказалась напрасной, но тайный узник был переведен в новую тюрьму на острове.

Иван Антонович прожил в Шлиссельбурге в особой казарме под присмотром специальной команды еще долгие восемь лет. Можно не сомневаться, что его существование вызывало головную боль у всех трех сменивших друг друга властителей России: Елизаветы, Петра III, Екатерины II. Свергнув малыша с престола в 1741 году, Елизавета, умирая в декабре 1761 года, передала этот династический грех своему племяннику Петру III, а от него грех «унаследовала» в 1762 году Екатерина II. И что делать с этим молодым человеком, не знал

никто. Между тем слухи о жизни Иоанна Антоновича в тюрьме продолжали распространяться. Этому в немалой степени способствовали сами власти. Вступив на трон, Елизавета прибегла к удивительному по своей бесполезности способу борьбы с памятью о своем предшественнике. Указами императрицы повелевалось изъять из делопроизводства все бумаги, где упоминались император Иван VI и правительница Анна Леопольдовна, отменить все принятые в период регентства законы. Уничтожению подлежали все изображения императора и правительницы, а также монеты, медали и титульные листы книг с обращением к юному императору. Из-за границы категорически запрещалось ввозить книги, в которых упоминались «в бывшее ранее правление известные персоны» – так теперь назывались в указах Иван и его мать.

Естественно, что эффект этой меры был прямо противоположен задуманному. Став запретным, имя царя-младенца Ивана приобрело невиданную популярность в народе.

Об Иване помнили, рассказывали друг другу о его безвинных страданиях, о том, что наступит и его час, а вместе с ним – и час справедливости и добра. Широко известно, что популярность в России достигается очень часто с помощью страдания. Стать жертвой ненавистной этому народу во все века власти, жестокой и чужой для обыкновенного человека, – значило приобрести популярность и даже любовь народа. Народная фантазия дорисовывала образ Ивана, изображая его страдальцем за народ, за «истинную» веру, которая отчетливо противопоставлялась официальной вере.

Естественно, слухи об Иване беспокоили власти, хотя болтунам исправно отрезали языки и отправляли их в сибирскую ссылку. Вместе с тем управителей России очень интересовал сам узник, они хотели его увидеть. Именно поэтому в 1756 году Ивана привозили в Петербург, в дом фаворита Елизаветы Ивана Шувалова, и там императрица впервые за пятнадцать лет увидела экс-императора. В марте 1762 года новый император Петр III ездил в Шлиссельбург и разговаривал с узником. В августе 1762 года приезжала к Ивану Екатерина II.

Нет сомнения, что Иван производил тяжелое впечатление на своих высокопоставленных визитеров. Он был, как писали охранявшие его капитан Власьев и поручик Чекин, «косноязычен до такой степени, что даже и те, кои непрестанно видели и слышали его, с трудом могли его понимать. Для сделания выговариваемых им слов хоть несколько вразумительными, он принужден был поддерживать рукою подбородок и поднимать его вверх». И далее тюремщики пишут: «Умственные способности его были расстроены, он не имел ни малейшей памяти, никакого ни о чем понятия, ни о радости, ни о горести, ни особенной к чему-либо склонности».

Важно заметить, что сведения о сумасшествии Ивана идут от офицеров охраны – людей в психиатрии совсем некомпетентных. Представить Ивана безумцем было выгодно власти. С

одной стороны, это оправдывало суровость содержания узника – ведь в те времена психически больные люди содержались, как животные, на цепях, в тесных каморках, без ухода и человеческого сочувствия. С другой стороны, представление об Иване – сумасшедшем, позволило оправдать убийство несчастного, который, как психический больной, себя не контролировал и поэтому легко мог стать игрушкой в руках авантюристов.

В доказательство безумия заключенного тюремщики пишут о его неадекватной, по их мнению, реакции на действия охраны: «В июне (1759 года) припадки приняли буйный характер: больной кричал на караульных, бранился с ними, покушался драться, кривлял рот, замахивался на офицеров». Из других источников нам известно, что офицеры охраны обращались с ним грубо, наказывали его – лишали чая, теплых вещей, возможно, били за строптивость и уже наверняка – дразнили, как сидящую на привязи собаку. Об этом есть сообщение офицера Овцына, писавшего в апреле 1760 года, что арестант здоров и временами беспокоен, но до того его доводят офицеры, всегда его дразнят». Их, своих мучителей, Иван, конечно, ненавидел, бранил, и это было естественной реакцией психически нормального человека на бесчеловечное обращение.

Положение узника было ужасным. Его держали в тесном узком помещении, маленькие окна которого были постоянно закрыты. Многие годы он жил при свете свечей и, не имея при себе часов, не знал времени дня и ночи. Как писал современник, «он не умел ни читать, ни писать, одиночество сделало его задумчивым, мысли его не всегда были в порядке» К этому можно добавить отрывок из инструкции коменданту данной в 1756 году начальником Тайной канцелярии графом Александром Шуваловым: «Арестанта из казармы не выпускать, когда же для уборания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмой, чтоб его видеть не могли». В 1757 году последовало уточнение: никого в крепость без указа Тайной канцелярии не впускать, не исключая генералов и даже фельдмаршалов.

Неизвестно, сколько бы тянулась еще эта несчастнейшая из несчастных жизней, если бы не произошло трагедии 1764 года. Тогда была совершена неожиданная попытка освободить секретного узника Григория – бывшего императора Ивана Антоновича. Предприятием руководил подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович. Жизненные неудачи, бедность и зависть мучили этого двадцатитрехлетнего офицера, и таким образом он решил поправить свои дела. Об Иване он узнал, когда ему приходилось по долгу службы нести внешний караул в крепости. Он предполагал освободить Ивана, затем приехать с ним в Петербург и поднять на мятеж против Екатерины II гвардию и артиллеристов. Во время своего очередного дежурства Мирович поднял солдат в ружье, арестовал коменданта и двинул солдат на штурм казармы, где сидел тайный узник. Дерзкий замысел Мировича почти удался: увидав привезенную людьми Мировича пушку, охрана казармы сложила оружие. И тогда тюремщики-офицеры Власьев и Чекин, как они писали в своем рапорте, «видя превосходящую силу [неприятеля], арестанта умертвили».

Известно, что испуганные штурмом тюремщики вбежали к разбуженному стрельбой Ивану и начали колоть его шлагами. Они спешили и нервничали, узник отчаянно сопротивлялся, но вскоре упал на пол под ударами убийц. Здесь-то и увидел его ворвавшийся минуту спустя Мирович. Он приказал положить тело на кровать и вынести на двор крепости, после этого сдался коменданту. Он проиграл, и ставкой этой игре была его жизнь: через полтора месяца Мирович был публично казнен в Петербурге, и эшафот с его телом был сожжен, а прах развеян по ветру.

Власьев и Чекин, совершая убийство Ивана, действовали строго по данной им инструкции, которая предусматривала и такой вариант развития событий, они выполняли свой долг... и совершили преступление.

Мы не можем отвергать утверждение манифеста Екатерины II об этих событиях, в котором Власьева и Чекина оправдывают как верных присяге офицеров, сумевших «пресечь с помощью пресечения жизни одного, к несчастью рожденного», неизбежные бесчисленные жертвы в случае удачи авантюриста Мировича. Факты говорят, что ситуация в столице, в которой тогда не было Екатерины, была беспокойная, в большом русском городе всегда найдется немало людей, готовых поддержать любой бунт ради наживы, из озорства или безответственности. Конечно, мятеж Мировича был бы подавлен, но сколько бы пролилось крови, сколько бы было оборвано жизней!

Тело Ивана пролежало несколько дней в крепости, а потом, по особому приказу Екатерины II, оно было тайно закопано где-то во дворе.

Ко дню смерти Ивана муж Анны Леопольдовны Антон Ульрих сидел в тюрьме уже двадцать два года. С ним же в архиерейском доме жили две дочери и два сына. Дом стоял на берегу Двины, которая чуть-чуть виднелась из одного окна, и был обнесен высоким забором, замыкавшим большой двор с прудом, огородом, баней и каретным сараем. Женщины жили в одной комнате, мужчины – в другой. Комнаты были низкие и тесные. Другие помещения наполняли солдаты охраны и слуги узников.

Живя годами, десятилетиями вместе, под одной крышей (последний караул не менялся двенадцать лет), эти люди ссорились, мирились, влюблялись, доносили друг на друга. Скандалы следовали один за другим: то солдат поймали на воровстве, то офицеров – на интригах с горничными. Принц Антон Ульрих, как и всегда, был тих и кроток. С годами он растолстел и обрюзг. После смерти Анны он нашел утешение в объятиях служанок своих дочерей. В Холмогорах было немало его незаконных детей, которые, подрастая, становились прислугой брауншвейгской семьи. Изредка принц писал императрице Елизавете, а потом и Екатерине II письма: благодарил за присланные бутылки вина или еще

какую-нибудь милостыню-передачу. Особенно бедствовал он без кофе, который был ему необходим ежедневно.

В 1766 году Екатерина II прислала в Холмогоры генерала А. Бибикова, который от имени императрицы предложил Антону Ульриху покинуть Россию. Но тот отказался. Датский дипломат писал, что принц, «привыкший к своему заточению, больно и упавший духом, отказался от предложенной ему свободы». Это неточно – принц не хотел свободы для себя одного, он хотел уехать из России вместе с детьми. Но его условия не устраивали Екатерину – она боялась выпустить на свободу детей Анны Леопольдовны, которые, согласно завещанию императрицы Анны, могли претендовать на русский престол. Принцу лишь обещали, что их всех отпустят вместе, когда сложится благоприятная для этого обстановка.

Так и не дождался Антон Ульрих исполнения обещания Екатерины. К шестидесяти годам он одряхлел, ослеп и, просидев в заточении тридцать четыре года, скончался 4 мая 1776 года, пережив более чем на двадцать лет свою жену. Ночью гроб с телом тайно вынесли на двор и похоронили там без священника, без обряда, как самоубийцу, бродягу или утопленника. Мы даже не знаем, провожали ли его в последний путь дети.

Они прожили в Холмогорах еще четыре года. К 1780 году это были уже взрослые люди: старшей глухой Екатерине Антоновне шел тридцать девятый год, Елизавете было тридцать семь, Петру – тридцать пять, а младшему Алексею – тридцать четыре. Все они были болезненными, слабыми, с явными физическими недостатками. О старшем сыне Анны Леопольдовны Петре офицер охраны писал, что он «сложения больного и чахоточного, несколько кривоплеч и кривоног. Меньшой сын Алексей – сложения плотноватого и здорового... имеет припадки». Старшая дочь Екатерина – «сложения больного и почти чахоточного, притом несколько глуха, говорит немо и невнятно и одержима различными болезненными припадками, нрава очень тихого».

Несмотря на жизнь в неволе, без образования (в 1750 году в Холмогоры был прислан указ Елизаветы, запрещающий учить детей Анны грамоте), все они выросли умными, добрыми и симпатичными людьми, выучились они самостоятельно и грамоте. Побывавший у них губернатор А.П. Мельгунов писал императрице Екатерине II о Екатерине Антоновне, что, несмотря на ее глухоту, «из обхождения ее видно, что она робка, уклончива, вежлива и стыдлива, нрава тихого и веселого. Увидя, что другие в разговоре смеются, хотя и не знает тому причины, смеется вместе с ними... Как братья, так сестры, живут между собою дружелюбно и притом незлобливы и человеколюбивы. Летом работают в саду, ходят за курами и утками и кормят их, а зимой бегают взапуски [и] на лошадях по пруду, читают церковные книги и играют карты и шашки. Девицы, сверх того, занимаются иногда шить белья».

Быт их был скромнен и непритязателен, как и их просьбы. Глава семьи была Елизавета, полноватая и живая девица, обстоятельная и разговорчивая. Она рассказала Мельгунову, что «отец и мы, когда были еще очень молоды, просили дать свободу, когда же отец наш ослеп, а мы вышли из молодых лет, то просили разрешения проесть, но ни на что не получили ответа». Говорила она и о несбывшемся желании «жить в большом свете», научиться светскому обращению. «Но в теперешнем положении, – продолжала Елизавета Антоновна, – не останется нам ничего больше желать, как только того, чтобы жить здесь в уединении. Мы всем довольны, мы здесь родились, привыкли к здешнему месту и застарели».

У Елизаветы было три просьбы, от которых у Алексея Мельгунова, человека тонкого, гуманного и сердечного, вероятно, все перевернулось в душе: «Просим исходатайствовать у Ее величества милость, чтобы нам было позволено выезжать из дома на луга для прогулки, мы слышали, что там есть цветы, каких в нашем саду нет», чтобы пускали к ним дружить жен офицеров – так скучно без общества. И последняя просьба: «Присылают нам из Петербурга корсеты, чепчики и токи, но мы их не употребляем для того, что ни мы, ни девки наши не знаем, как их надевать и носить. Сделайте милость, пришлите такого человека, который умел бы наряжать нас».

В конце разговора с Мельгуновым Елизавета сказала, что если выполнят эти просьбы, то они будут всем довольны и ни о чем просить не будут, «ничего больше не желаем и рады остаться в таком положении навек». Прочитав доклад Мельгунова, Екатерина II дрогнула – она дала указ готовить детей Анны Леопольдовны (которую она, по-видимому, видела только в гробу в 1746 году) к отъезду. Императрица завязала переписку с датской королевой Юлией Маргаритой, сестрой Антона Ульриха и теткой холмогорских пленников, и предложила их поселить в Норвегии, тогдашней провинции Дании, королева дала согласие поселить их в самом королевстве. Начались сборы. Неожиданно в скромных комнатах холмогорского архиерейского дома засверкало золото, серебро, бриллианты – это везли и везли подарки императрицы: гигантский серебряный сервиз, бриллиантовые перстни для мужчин и серьги для женщин, невиданные чудесные пудры, помады, туфли, платья. Семь немецких и пятьдесят портных в Ярославле поспешно готовили платье для четверых узников – датские родственники должны были знать щедрость и великодушие императрицы Екатерины!

Двадцать шестого июня 1780 года Мельгунов объявил брауншвейгской семье об отправке их в Данию, к тетке. Они благодарили Мельгунова за свободу, но только просили поселить их в Дании в маленьком городке, подальше от людей. Ночью 27 июня их – впервые за всю их жизнь! – вывели из тюрьмы. Они сели на яхту и поплыли вниз по широкой и красивой Северной Двине, серый кусочек которой они видели всю свою жизнь из окна. Когда в сумраке белой северной ночи появились угрюмые укрепления Новодвинской крепости возле Архангельска, братья и сестры стали рыдать и прощаться друг с другом – они думали, что их обманули и что на самом деле собираются разлучить и заточить в одиночные камеры

в толще крепостных казематов. Но их успокоили, показав на стоящий на рейде фрегат «Полярная звезда», который готовился к отплытию.

Ночью 1 июля капитан М. Арсеньев дал приказ поднять паруса. Дети Анны Леопольдовны навсегда покидали свою жестокую родину. Они плакали, целуя руки провожавшему их Мельгнунову. Плавание выдалось на редкость тяжелое. Долгие девять недель непрерывные штормы, туманы, встречные ветры мешали «Полярной звезде» дойти до берегов Дании. Мы не знаем, о чем думали и говорили пассажиры фрегата. Наверное, в тихую погоду они смотрели на океан, вольных морских птиц, летевших над кораблем, а в шторм сидели, тесно прижавшись друг к другу, молились по-русски русскому Богу, мечтая только об одном – умереть вместе.

Но судьба благоволила к ним. Тридцатого августа 1780 года показался мыс Берген. Здесь детей Анны ждал датский корабль, на борту которого они стали свободными. Но испытания не кончились: их насильно разлучили со слугами – побочными братьями и сестрами, которых, как положено по тупым и жестоким бюрократическим законам, оставили на русской территории – на палубе «Полярной звезды». Свобода опоздала к принцам и принцессам на целую жизнь! Вырванные из привычной обстановки, окруженные незнакомыми людьми, говорящими на чужом языке, они были несчастны и лепились друг к другу. Тетка-королева поселила их в маленьком городке Горзенсе в Ютландии, но ни разу не пожелала повидаться с племянниками. А они, как старые птицы, выпущенные на свободу, были к ней не приспособлены и стали один за другим умирать. Первой в октябре 1782 года умерла принцесса Елизавета. Через пять лет умер принц Алексей, а в 1798 году – принц Петр. Дольше всех, целых шестьдесят лет, прожила старшая Екатерина, та самая, которая родилась в Петербурге, еще на свободе, и которую нечаянно уронили в суете ночного переворота 25 ноября 1741 года. В августе 1803 года молодой русский император Александр I получил письмо, пришедшее как будто из прошлого. Принцесса Брауншвейгская Екатерина Антоновна прислала ему послание, написанное собственноручно на плохом русском языке. Она умоляла забрать ее в Россию, домой. Она жаловалась, что датские слуги, пользуясь ее болезнями и незнанием, грабят ее. «Я всякой день плачу, – заканчивала письмо Екатерина, – и не знаю, за что меня сюда Бог послал и почему я так долго живу на свете, и я всякой день вспоминаю Холмогор, потому что там мне был рай, а тут – ад». Русский император молчал. И, не дождавшись его ответа, последняя дочь несчастной брауншвейгской четы умерла 9 апреля 1807 года.

В. Наумов